

УСЛЫШАТЬ ПРИЗЫВАЮЩЕГО

С Любой Медведевой мы знакомы с юности, несмотря на разделяющее нас географическое пространство: мои стихи начинались в Темиртау, а Люба – поэт усть-каменогорский. Но мы пересекались в Алма-Ате на разного рода совещаниях и фестивалях, таковы были реалии работы с молодыми дарованиями в советское время. И хотя Евгений Курдаков справедливо называл провинциальных поэтов «безнадзорными», становление наше шло не без заинтересованного участия известных столичных поэтов, да мы и сами с интересом читали друг друга, общались. Повсеместно действующие литературные объединения и студии тоже были хорошей образовательной и питающей средой, где поэт формировался порой не согласно, а вопреки общим установкам, о чем Люба подробно рассказала в своем автобиографическом эссе «Картонный калейдоскоп». И не только об этом.

У нас с ней была общая «литературная мама» – Руфь Тамарина, впрочем, как и у уже живущей в столице семипалатинки Нади Черновой, и у Любиной землячки Тани Кандрашиной, и у Люды Луниной из Караганды, и у других наших сверстников. Прошедшая гулаговские лагеря Руфь в ответ на наши порывы благодарности говорила: я только отдаю долг всем добрым людям, помогавшим мне, не прерывайте и вы эту цепочку доброты. И мы все чувствовали себя породненными Руфью. Но в отличие от отношений Любы Медведевой с Надей Черновой, с которой они переписывались и подружились, у меня такого близкого душевного и духовного общения с ней долго не было. И писать мне о ней не приходилось, в отличие от Надежды, во многих своих литературных эссе обращающейся к творчеству и незаурядной личности подруги, да еще и казачки, чему свидетельство недавно опубликованное в «Просторе» эссе Н. Черновой «Казачий круг» (№№ 6–8, 2021). Тогда так случилось, что одновременно в редакционном портфеле сошлось два «Казачьих круга» – проза Н. М. и стихотворная подборка Л. Г., чему вряд ли стоит удивляться – «аукнулись через степь».

Нас с Любой связали по жизни два дорогих имени – Руфи Тамариной и Евгения Курдакова. Ранний уход Евгения Васильевича, в последний год хоть и предвиденный, всё равно стал отчаянно-неожиданным, первым, болезненным для всех, непроизвольно заставившим оглядеться кругом, как бы пересчитать единомышленников, да и в себя всерьез заглянуть: а сам-то ты чего стоишь. Об этом, мне кажется, статья Любы Медведевой памяти Е. В. Курдакова «Бессмертной жизни холодок», опубликованная и в «Просторе», и в книге «Русские Казахстана» («Сага», Алматы, 2007), которую мне довелось составлять.

Четверть века общения с Курдаковым сообщили этой статье ту предельную искренность и беспощадную правдивость, которые были свойственны Евгению Васильевичу и в отношениях со своими студийцами, и в отношении собственного творчества и судьбы. И тут Любе повезло: письмо с разбором ее юношеских творений она получила от Курдакова в семидесятых годах, когда впереди была еще целая жизнь. Но уже тогда она понимала: Курдаков единственный из молодежной студии Шустера был готов к литературной работе и осознавал свое призвание. В письме его читалась тревога за литературный процесс в провинции, за всех, кто ему был близок и дорог творчески: «Ты типичный провинциальный поэт-беспризорник, любитель, который делает сувениры для личного потребления. Мастер-надомник. Отсюда совершенное отсутствие технического контроля... Есть единственный выход – это иметь внутреннего критика-читателя, ироничного, беспощадного, может быть даже – устало злого. А лучше иметь критика внешнего, живого. Я повторяю, это не вина твоя, а беда, – и не только твоя, а наша общая...» Об этом потом выйдет книга эссе Евгения Курдакова «Золотое перо иволги».

И хотя Люба Медведева, по ее собственным словам, никогда не считала себя ученицей Курдакова, это поначалу так обидевшее ее письмо со временем родило «долгий, многозвучный разговор через годы». Курдаков писал двадцатипятилетней Любе: «Знаешь, еще нужно почувствовать призвание. Это не высокие слова, это на самом деле: почувствовать, что кто-то призвал, и некуда деться от этого. Не игра в призвание, а по-настоящему. Сразу появится чувство профессиональной ответственности за каждое слово».

Услышать призывающего! Как многие, даже очень талантливые люди, относятся в молодости к своему творческому дару, – как к дарованной свыше отличительной особенности, как к подарку судьбы, не понимая своей сугубой ответственности за этот дар, не воспитывая в себе воли к творчеству, необходимости трудом преумножать дарованное.

Любе Медведевой жизнь уготовила, помимо дара писательства, который она ощутила уже в детские годы, испытания страшной болезнью, смертельной болезнью, но оставившей жить, расти под ударами разной тяжести свою страдающую душу.

Во исполнение призвания?

Ведь тогда же, в отрочестве, в ней поселилось чувство небесного пригляда за ней: звезды ли, первой мигнувшей из черной бездны космоса, солнечного ли луча, разбудившего после многочасовой операции в московской больнице, ранней ли мудрости сердца, не пропустившего свою любовь, подарившую сыночка Рому... И чем невозможнее становились внешние обстоятельства жизни – «горы горя и бездны несчастий», – тем неотступнее становилась сила призывающего. И некуда от этого деться!.. Этой силой и мудростью, своими стихами Люба врачевала и меня после потери единственной дочери, а потом и ее отца.

* * *

Бог нас окружает волною тепла.

Мы дышим неровно, но все-таки дышим...

Судьба между пальцами не утекла,

и рядышком ангел-хранитель притихший.

Люби, улыбайся и благодари
за каждую малость великого Бога.
И солнце – снаружи, и сердце – внутри
помогут осилить крутую дорогу.

Когда прозреваем, когда небеса
вдруг приподнимают страданий завесу,
и ангелов пенье, и птиц голоса
помогут печальному сердцу воскреснуть.

Лежат позади драгоценные дни.
Нас, не торопясь, настигает прозреньё:
если мы верим – мы не одни.
И Бог наделяет нас щедро терпеньем...

* * *

О, радости моя, работай,
в канавке землю выгребай –
украшь судьбу простой заботой,
тори другим дорогу в рай.

Спасаящий людей спасется
и малым возрастет трудом:
отрадой ласкового солнца
благой молитвенник ведом.

Словами сильными сшивая
земли разодранной края,
почувствуешь – душа живая,
воскреснешь, радости моя!

«Силу поэта нельзя измерить такими словами, как “великолепно”, “блистательно” и проч., сила выявляет себя сама, без подобострастных расшаркиваний перед ней», – пишет Люба Медведева в статье «Бессмертной жизни холодок».

Эта спасительная сила есть в творчестве и личности самой Любви Георгиновны Медведевой, она и ведет ее по жизни. И пусть так пребудет многая лета!

Р. С. Эти строки я отправила в Усть-Каменогорск в феврале этого года для публикации в подарочной юбилейной книге к 70-летию Любви Медведевой. И мне кажется уместным предварить ими публикацию её автобиографического эссе «Картонный калейдоскоп» в журнале «Простор».

Любовь Шашкова

